

И к утру он чист-безгрешен

В ДК им. Горбунова Борис Гребенщиков представил новый альбом «Навигатор»

Сегодня - 1995 - 28 сент. - с. 10

Шон Берг

К

онцерты — запланированные и дополнительные — прошли с грандиозным успехом. У метро перед началом слышу зычное: «Борис Гребенщиков! В тубетейке, с бородой, без бороды!» Но господин продавец фотографий не жадничает, и публика ничего не жаждет, кроме Боба в скафандре.

«Меня зовут последний поворот, Меня вы знаете сами По вкусу водки и сырой земли, И хлеба со слезами. В моем доме все хрен да польнь, Дыра в башке обнова, мне нож по сердцу там, где хорошо, Я дома там, где херово». Или так: «Не успели все разлить, а полжизни за кормо-о-ю. И ни с лупой, ни с ружьем не найти ее следа...»

Так, с печальными этими мыслями, голос многих поколений и слоев населения открыл навигацию. С романсами, с жалостливыми сиротскими, с городскими фольклорными, с бардовской песней, с бесконечными перепевами себя самого и ответами на вопросы.

На три четверти, с грустным задором прикостерного — босяка с папиросочкой — вальсочка: *«Мне не жаль, что я здесь не прижился, Мне не жаль, что родился и жил. Попадись мне, кто все так придумал, Я бы сам его здесь придумал. Только поздно, мы все на вершине, И теперь только вниз босяком. Моя смерть ездит в черной машине С голубым огоньком».*

Разозлившись, но все же светло-печально: *«На кой мне хрен ваш город золотой?! На кой мне хрен петь складно? Я сам хромой — и все мои дела, Налей еще — и славно!»*

Нечто среднее между звездой «Аделаидой» и «Небом», патетически: *«Село солнце, да за-а Гималаи, Чтоб назавтра вновь взойти. Бредет йогин на кладбище Отсекать привя-а-зан-ности... Ох, мы тоже трубим в трубы, У нас много трубочей. И своего кровью кормим Сытых хамов-сволочей. Столько лет, а им все мало! Неужели так грешны! Ох, скорей бы Солнце встало Над кладбищем Моей родины!»*

Вот оно, то новое, чего ждешь от нового альбома, нового периода, нового скафандра. На сей раз сытые хамы и сволочи. Прошлые козлы слушались почти поэтиче-

ской метафорой. Но мастер-наблюдатель стал мастером-навигатором, ему наелоеть выражаться туманно. Пришло время назвать вещи своими именами. Так был выпущен кислый альбом, не лишенный специфического очарования декаданса, с клавишинами, арфами, звуком электроорганчика «хаммонд» и кларнетами, с перепевами, скучными аранжировками (чего ради нужна была английская студия — неясно) и сведением по типу «бардовская песня» (тихий голос напеваает, гитара что-то нежно перебирает, скрипка и кларнет исполняют душевный припрыш). Кисло. Светло. Оно и понятно: *«Сколь бы я ни крал, а все руки пусты... Все, что можно пожелать, все давным-давно сбылось. Я ушел бы в темный лес, да нельзя свернуть с тропы».* Грустно. Сердце шемит. Жалко птичку. И себя жалко. Боб в скафандре, «как небесный Омон», печалит и светит. Ты ему: «Навигатор, пропой мне канцону-другую!» А он тебе, эдаким Полом Маккартни: *«Я был клоуном в цирке, Я был святым в кино, Я хотел быть водой для тебя — Меня превратили в вино».* Какая жалость.